

Ася Невеличка
УМОЛЯЙ МЕНЯ

Ася Невеличка

УМОЛЯЙ МЕНЯ

текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Меня зовут Тенью. Неуловимой, безумной и жестокой.

Я заберу его дочь, чтобы отомстить и погасить долг перед моей семьей.

Но свет в ней искушает тьму во мне.

Дразнит и мучает.

Я хочу причинить ей боль.

Хочу сломать ее.

Уничтожить.

А она как будто не замечает, какое я чудовище. Глупая принцесса!

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Похищение	8
Глава 2. Брачное ложе	17
Глава 3. Поломанные крылья	26
Глава 4. Консуммация брака	33
Глава 5. Оргазм и боль	50
Глава 6. Лицом к лицу	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ася Невеличка

Умоляй меня

© Ася Невеличка

* * *

Пролог

Никогда не думала, что моя свадьба начнется со слов:

– Мне нравятся маленькие кудряшки там, внизу. Я по крайней мере чувствую, что трахаю женщину, а не ребенка.

Мое состояние невозможно описать.

Я стою в боковой комнате церкви, с задранными на голову юбками свадебного платья. За стеной от нас стоит регистратор браков. Но это не та церковь, куда я должна была приехать. Не тот регистратор, который должен был узаконить мой брак. И передо мной вовсе не мой жених!

С двух сторон меня держат его подпевалы. А он оттягивает резинку моих нежных кружевных трусиков и заглядывает туда.

Я не сдерживаю рвущееся рыдание, но тут же прикусываю губу и распахиваю глаза шире. На звук плача он просовывает палец между складок и давит.

– Я слышал, ты девственница? Уверен, эта миленькая киска будет мокрой, когда я трахну тебя.

Но пока меня тошнит от абсурдности ситуации.

Почему самый лучший день в моей жизни превращается в страшную сказку? Что я такого сделала?

– Так что ты решила? – ко мне снова обращается человек без лица.

Может, у него и есть лицо, но он носит черную маску. И

я не верю, что только из-за карантина. И еще – повязку на лбу, как какой-то японец, хотя глаза у него обычные.

Нет, не обычные. У него очень красивые глаза. Темные, опасные, под черными нависшими бровями. Я плакать забываю, когда ловлю его взгляд. Он очень выразительный. И пусть я не понимаю больше половины того, что он выражает, мне страшно.

– Ты согласна стать моей женой, Карина, или пустить тебя по кругу? Желających познакомиться с твоей киской много. Рядом раздаются одобряющие смешки.

– Я... я не Карина.

Может, он меня перепутал с другой невестой?

Он снова встречается со мной взглядом.

– Если я захочу назвать тебя шлюхой, то так и назову. Если захочу, чтобы ты называла меня папочкой, пока я натягиваю твою девственную дыру на член, ты будешь кричать от восторга и называть меня папочкой. Это понятно?

И тут меня пробивает дрожь. Спутал он меня или нет, но теперь точно не отпустит.

– М-м-мой папа, – заикаясь, говорю я, – найдет тебя и убьет!

– Жду и считаю часы. А может, дни, когда он увидит, в кого ты превратилась, шваль. Это будет печальное зрелище. Из принцесски – в неразборчивую блядь.

Он резко отпускает резинку трусиков, и те щелкают по коже. Я охаю.

– Начнешь свое взросление сейчас? Или сначала сыграем свадьбку?

Он издевательски дергает меня за фату.

– А какая разница?

– В количестве партнеров, дорогуша. Все они или только я.

– Только ты, – поспешно соглашаюсь я.

– А потом – они. – Я по голосу слышу, как он ухмыляется. – Но чем дольше ты будешь послушной, тем больше удержишься со мной. Выбесишь – отдам им. Понятно?

Киваю. Уверена, уже через час папа найдет меня и порешит этих ублюдков. А пока я соглашаюсь на все, что можно исправить.

Выйду замуж за него, а папа расторгнет этот брак, как будто его и не было.

– Я выйду. За тебя.

Он треплет меня по щеке, как какую-то комнатную собачку. Кивает парням, и те отпускают меня. Я поправляю задранный подол дорогого свадебного платья.

Оно помято и никуда не годится. Придется выбросить. Я все равно его больше никогда в жизни не надену!

И никогда еще мои мысли не были такими пророческими.

Глава 1. Похищение

Каролина

Кто не мечтает о жизни принцессы?

Я не мечтаю – я ей живу. Даже папа называет меня «моя маленькая принцесса». Я уже не маленькая. Месяц назад мне исполнилось двадцать лет. А сегодня я выхожу замуж.

Не за принца. Но папа постарался и нашел мне самого лучшего жениха на свете.

Красивого, богатого, умного и очень мужественного.

Когда я впервые увидела его – лишилась речи. Мне понравились его ямочки на щеках, когда он улыбался и подмигивал мне. Сильный волевой подбородок. Невероятно голубые глаза, как весеннее небо.

Меня природа наградила серыми непримечательными глазами. Но все остальное – без изъяна. Мама всегда говорит, что я – совершенство.

Сравнивать довольно сложно. Я никогда не водилась со сверстницами и не встречалась с парнями. Но реакция жениха мне понравилась. Он тоже, как и я, первые минуты не мог прийти в себя, только поедал меня глазами.

Я поняла, что это любовь с первого взгляда. Все точно так, как я себе представляла.

Знакомство состоялось на день рождения. А со следующего дня мы с мамой стали готовиться к незабываемой сва-

дье. Я глупо хихикала, представляя, как буду его женой по-настоящему. Наконец-то покину отчий дом, который за двадцать лет стал моей крепостью и тюрьмой одновременно. И получу красивого мужчину и свободу путешествовать!

Это моя мечта, поехать и посмотреть весь мир! Запертая в доме, на домашнем обучении, теоретически я много где побывала. Настало время осуществить мечту наяву.

И я верю, что мой жених меня поддержит. Даже в голову не приходит, что он кинет. Папа все сделает, чтобы я была счастлива.

Утром мама привела девушек. Они занимаются моими волосами, ногтями, кожей. Потом черненькая молоденькая девушка подмигивает и достает большую, с чемодан, косметичку.

– Какой стиль предпочитаешь? Яркий? Естественный? Королевский?

Я смущаюсь.

Все двадцать лет я торчала либо дома, либо за городом на нашей вилле. Мне и в голову не приходило, что макияж может быть разным. Я всегда полагала, что его, как и прическу, выбирают к типу лица и носят всю жизнь.

Остричь длинные волосы мне не позволили, а краситься я перестала, когда поняла, что и после шестнадцати меня из дома не выпустят.

– Ярко, – неуверенно выбираю я, но тут же сомневаюсь: – Нет, лучше естественно...

– Тогда добавим блеска? – подмигивает чернявая.

Я решаю, что если она не справится, если мне не понравится, я успею смыть все с себя и нанести макияж заново сама.

Но у нее все получается просто великолепно. И я выгляжу как самая настоящая сияющая принцесса.

– Каролина, час до свадебного кортежа! – врывается мать.

Девушки шустро все убирают в свои сумки и покидают мою комнату в башне.

Это отдельная тема для шуток. Отец сделал пристрой к дому в виде трехэтажной башни, в которой и располагались мои комнаты. Как будто в отдельном крыле. Создавая видимость изолированности.

Но мне не хватает только злого дракона под окнами, чтобы окончательно оказаться в сказке в роли Рапунцель.

Надеваю свадебное элегантное платье, расшитое сверкающими кристаллами, и полностью преображаюсь.

Мать отходит и плачет. А я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Такой красивой я еще никогда не была.

Всего час до свободы!

Этот час оказывается самым суетливым в моей жизни. Папа бежит, родственники бегают и кричат, мама кричит, и только мне велят сидеть в стороне и не вмешиваться в хаос.

– Машина подъехала! – волнуется мама, выглядывая из окна. – Они раньше. Миш, а почему одна?!

– Ты готова? – в ответ кричит папа с верхнего этажа. –

Остальные подъедут. Усаживай пока Каро. Ей потребуется целая машина, чтобы влезть в нее со своим платьем.

Я только усмехаюсь, а мама, все еще не собранная, подбегает ко мне и толкает на выход.

– Ты слышишь, что говорит папа? Сейчас я крикну сестер, они тебе помогут.

С двух сторон подхватываю платье и вместе с мамой иду к первой машине, украшенной лентами и живыми цветами.

– Он облетят по дороге, и будет смотреться убого, – досаждает мать.

– А мне нравится! – улыбаюсь я.

Не хочу портить себе настроение из-за цветов. Тем более они действительно прекрасны.

– Ну где же эти копуши?! Подержи, я потороплю их.

Мама отдает мне в руки половину юбок, но на помощь приходит водитель. Он в униформе и фуражке, низко надвинутой на лоб.

Я его не разглядываю, но благодарю, когда он помогает мне без кузин сесть в машину и расправить платье. Дверь захлопывается, и я впервые вздрагиваю от какого-то странного чувства заточения.

Водитель садится за руль, я тут же окликаю его:

– Нам еще ждать другие машины и всю семью. Давайте откроем двери. Очень душно.

Но в ответ слышу щелчки автоматических замков. Водитель заводит двигатель и резво отъезжает от дома.

Я обеспокоенно оглядываюсь. Неужели снова поменялись планы, а меня забыли предупредить?

Нас спокойно выпускают с территории, и охранник машет мне вслед рукой.

– Она у меня. Отбой, – неожиданно произносит водитель и прибавляет газа.

На повороте от скорости машину заносит, а я заваливаюсь набок и путаюсь в юбках.

– Что происходит?

– Тебе скоро все объяснят. Сиди тихо.

Я еще не боюсь, потому что не успеваю за событиями. Но когда водитель останавливается и вытаскивает меня из машины, я вижу еще четыре украшенных автомобиля, брошенные на боковой дороге от трассы.

К нам с разных сторон подлетают четверо мужчин, меня пихают в серую машину поменьше, остальные садятся во вторую черную, тоже не имеющую никакого отношения к кортежу. И мы срываемся с места.

Все понятно. Это похищение.

Я истерически смеюсь. Надо же, папа так боялся, что его принцессу могут украсть, что не выпускал меня двадцать лет из дома! Держал в четырех стенах под постоянным наблюдением. И вот, в день свадьбы, в шаге от свободы его самый сильный страх сбывается.

Я похищена.

Сидящий рядом бандит наотмашь бьет меня по лицу, и

пощечина отрезвляет. Я захлебываюсь смехом и замолкаю.

Ничего.

Папа очень быстро найдет меня и выкупит.

Я в нем не сомневаюсь.

Тень

– Подъезжают.

Я киваю, привычно натягиваю на лицо маску и капюшон.

Так мое лицо всегда остается в тени.

– Невеста на подходе, – говорю я нанятому регистратору. – Помните, что надо сделать?

– Да.

Я встаю на место жениха. Поворачиваюсь к высоким дверям входа в церковь. Здесь не так торжественно, как должно быть на церемонии, но я выбрал церковь в насмешку над ее планами.

Маленькая принцесска хотела свадьбу? Первую брачную ночь?

Получите, распишитесь.

Двери распахиваются, и мои парни вталкивают бабочку в облаках белого сверкающего платья. Она тут же застывает, пытаясь рассмотреть меня.

Кажется, оценила шутку.

И я прищуриваюсь, чтобы разглядеть ее – дочь моего главного врага.

Вот тут получаю удар под дых от невероятной, нетронутой

красоты не моей невесты.

– Ведите ее сюда, – приказываю парням.

Они насмежаются и загоняют бабочку в мои сети. От ее близости становится тяжелее. В жизни не обидел бы такое прекрасное создание. Но судьба распорядилась иначе. Я намерен обижать ее долго и преднамеренно.

Беру ее руку и сквозь отчаянное сопротивление невесты кладу себе на локоть.

– Мы готовы, начинайте, – киваю распорядителю.

Тот переводит взгляд с меня на нее и обратно. Но быстро вспоминает о размере оплаченной суммы и начинает частить положенные законом слова.

Доходит до самой интересной части плана:

– Согласна ли ты взять в мужа этого человека, принадлежать ему, быть покорной и послушной ему, уважать и почитать...

– Нет! Нет! Меня похитили! Помогите!

Идеально. Она вписывается в роль, не разузивая ее.

Я с грацией эквилибриста достаю ствол, красиво прово-
рачиваю его на пальце, приставляя к ее гладкому лбу.

– Правильный ответ – «да», принцесса.

Но она смотрит на нанятого мной регистратора и одними губами беззвучно умоляет:

– Помогите.

– Помочь тебе могу только я, но не буду. Если только ты хорошо умеешь умолять. На коленях, – намекаю я.

Но она не понимает намека.

– Парни, отведите ее в комнату прихожан, – распоряжаюсь я, пряча ствол. – Мы ненадолго уединимся с невестой. Порепетируем покорность. А потом вернемся.

Я знаю, что регистратор будет ждать, сколько понадобится.

Моя душа ликует. Я дождался момента, когда месть свершится. Ее отец будет плакать кровавыми слезами, когда получит дочурку обратно.

Но я захожу в комнату и вижу принцессу в слезах.

– Вы ее трогали? – вопросительно выгибаю бровь.

– Нет, Тень. Но если ты прикажешь...

В воздухе повисает тяжелая пауза. Я слежу за невестой. Она напряжена, зажата моими парнями и, похоже, не понимает расклад.

– Итак, у тебя есть выбор. Стать моей женой или...

– Нет!

Снова из нее вырывается протест.

– Или, – невозмутимо продолжаю я, жалея, что мой голос глушит маска. – Мои парни накачают тебя спермой во все щели.

Её глаза становятся огромными. Хотя до этого я не видел таких больших ясных глаз. Как у такого мерзкого чудовища, ее отца, могла появиться дочь-ангел? За что ему такой дар?

– Посмотрим, какие сокровища ты прячешь от нас, – про-рокотал я, чувствуя поднимающееся возбуждение. – Парни

задерите ей подол.

– Нет, не надо... пожалуйста.

– Не сопротивляйся. Иначе останешься без своего чудесного платья, – предупреждаю я.

И от вида нежнейших кружев, покрывающих ее киску, у меня темнеет в глазах от вожделения.

Может, трахнуть ангела в церкви? Или бог не простит мне этой шутки?

Глава 2. Брачное ложе

Каролина

От свалившихся неприятностей кружится голова. Но я стою ровно, выпрямив спину и вздернув подбородок. Этот неприятный мужлан не дожидается от меня просьб о пощаде.

Я не буду умолять, тем более на коленях. Знаю, скоро придет папа и вытащит меня из неприятностей. Вот тогда умолять придется ему.

За все время он так и не показал своего лица. Для меня он так и остается запоминающимися глазами и Тенью. Так назвал его один из пособников.

– Можете поцеловать свою жену, – закончил регистратор.

Я вздрагиваю. Поворачиваюсь к нему. Сейчас? Он снимет маску, и я посмотрю в лицо тому, кто посмел перейти дорогу папе?

– Обойдемся. Это формальность.

А дальше он бесцеремонно выводит меня из церкви. Ему плевать, что я путаюсь в юбках пышного платья и падаю. Он тащит меня до припаркованной огромной черной машины, заталкивает внутрь и захлопывает дверь.

Вот он, момент!

Пока он обходит свой катафалк, я могу выпрыгнуть и бежать...

Думаю и тут же насмехаюсь над собой.

Бежать. Как же. На высоких каблуках и в этом платье! На целых два шага успею отбежать от машины. А мужлан сразу же сделает что-нибудь неприятное.

Он садится за руль. Сам. Заводит машину и смотрит на меня через зеркало на стекле. Теперь этот урод натягивает темные очки. Даже глаз не видно.

– Что дальше? – нервно спрашиваю я.

– Медовый месяц, принцесса, – угрожающе бросает он и срывается с места, резко давя по газам.

Я смотрю, куда мы едем, стараюсь запомнить дорогу. Но похититель кружит по городу, пока не останавливается в какой-то подворотне, где его катафалку явно тесно.

Распахивает дверь и подтаскивает меня ближе. Я не понимаю, мне выходить или оставаться в машине? Попытка определить, где я, ни к чему не приводит – я совершенно не знаю город. Те редкие вылазки в театр и оперу совершенно не познакомили меня с подворотнями окраин.

Но от меня никакого соображения и не требуется. В его руках появляется шприц. Я слишком поздно замечаю – он уже сделал мне укол.

– Зачем? – шепчу я, сразу чувствуя онемение губ.

– Чтобы не подглядывала, – глухо говорит он, толкает меня на сиденье и закрывает дверь.

Сознание гаснет.

Тень

Я достаточно быстро добираюсь до нашего логова. Её папаша никогда не догадается искать у себя под носом, в элитном поселке для таких же продажных сволочей, как он.

Крепкий, изолированный от всех соседей дом с двухуровневым подвалом. Обнесенный со всех сторон высоким глухим забором.

Тот, кто его строил, не собирался рисоваться перед соседями своими деньгами и возможностями. Он заложил дом не на виду от подъездной улицы, а в глубине территории, за лесной полосой.

Со стороны соседних вилл дома не видно. Из его же окон открывается отличный вид на лес. Идеальное логово для Тени.

– Место приготовили? – коротко спрашиваю я, вытаскивая принцессу и поражаясь ее невесомости.

– Все, как приказал, Тень. Без окон, в самом дальнем углу подвала.

Я киваю и иду в ее темницу. В мою темницу. Я неожиданно не хочу показывать ей своего истинного лица. По мне, она и так перепугана до усрачки.

Пока принцесса в отключке, я при свете захожу в подвал, кладу ее на надутый матрас и замираю.

Ее глаза закрыты. Она выглядит умиротворенной, как спящий ангел. Жаль, что ей придется потерять невинность во всех ее проявлениях. Взгляд опускается, блуждая по ее кремовой коже. Кровь в жилах закипает, превращаясь в рас-

плавленную лаву, когда я осторожно, как будто принцесса сделана из стекла, провожу большим пальцем по щеке, задерживаюсь на нежных пухлых губах.

Ее красота одуряющая.

Принцесса начинает приходить в себя. Подпрыгивает, отталкивает мою руку, неуклюже отползая к стене.

Нелепое платье задирается, сбивается у нее под грудью, оставляя трусики и ноги напоказ.

Я стискиваю зубы, что почти крошу их, и выпрямляюсь.

Единственная дочь самого влиятельного олигарха выросла красивой девушкой без изъянов. Темно-каштановые волосы, которые я сравнил бы с расплавленным шоколадом, только подчеркивают безукоризненные черты лица. Я прищуриваюсь, наблюдая, как она пытается справиться с юбками, но они не слушаются и продолжают накрывать принцессу с головой воздушным облаком.

– Помочь? – с насмешкой спрашиваю я, снимая темные очки и убирая их в карман рубашки.

Взгляд Карины исподлобья должен был прибить меня к месту, но я в очередной раз попадаю в омут ее серых, стальных глаз.

Хороша! Я буду развращать ее с превеликим удовольствием.

Достаю нож, и принцесса тут же забывает о платье. Как кролик за удавом, она следит за движениями лезвия. Я наклоняюсь, принцесса срывается на визг, и я от души отве-

шиваю ей пощечину, чтобы заткнулась. Одним движением отсекаю дебилную юбку от платья, распарываю ее вдоль и отбрасываю в угол.

Поднимаю взгляд и понимаю, что оставил принцессу в одном корсете.

В соблазнительном, расшитом кристаллами, мать его, корсете!

По щеке Карины расплывается красное пятно от моей пощечины. Губы дрожат. В глазах собираются слезы. А я в шаге от того, чтобы броситься на нее, распластать на матрасе и познакомить со всей длиной моего твердого члена.

Отступаю.

В планах у меня падение дочери олигарха, добровольное распутство. Я сделаю из нее первостатейную шлюху, жадную до удовольствий. Грязных и извращенных. Я буду снимать, как унизительно она будет выпрашивать трахнуть ее во все дыры, отдать парням, пустить по кругу. А потом буду это хоум-видео отправлять ее папаше вместо частей тела.

Мне кажется, это изощренная месть, и очень образная. Отправлять по кускам последние признаки добродетели его принцессы. В семейный архив, превращающийся в порноколлекцию.

Я отворачиваюсь и поспешно выхожу, закрыв на ключ дверь ее клетки. Выключаю свет, погружая принцессу во тьму.

Мне нужен ее страх, ее осознание безнадежности, а не на-

силе. Насилием я ее быстрее сломаю, но папочка наймет мозгоправов и вернет свою дочь к нормальной жизни. А я не хочу, чтобы у этих вырожденков была нормальная жизнь. Я хочу, чтобы они корчились от боли и осознания непоправимого.

Поэтому ломать я принцессу буду долго и только с ее желания.

А я заставлю ее желать все те грязные вещи, которые готов повернуть с ее девственной щелью.

Поднимаюсь в комнату охранников, смотрю на мониторы. К ним подключены все камеры наблюдения. И та, что снимает подвал и мою пленницу.

В темноте наощупь она находит распоротый мной подол и подтаскивает к себе.

Неужели собирается приделывать юбку на место?

Но нет, она ложится и накрывается бестолковым облаком вместо одеяла. Я как-то не подумал, что ей будет холодно и сыро. А ее болезнь в мои планы не входит.

Я хочу ее трахать, а не лечить!

Но эта часть воспитательного процесса необходима. Пусть немного померзнет, потом я, так и быть, выделю ей нормальное одеяло.

Киваю ребятам и уйду к себе, принять душ, переодеться и что-нибудь пожрать. Пока все идет по плану, но меня потряхивает от напряжения. Скоро узнаю реакцию ее папаши. Интересно, какие масштабные действия он развернет и кого будет искать.

Я усмехаюсь, сбрасывая с себя одежду, маску, стаскиваю трусы и встаю под тугие струи душа.

В голове проворачиваю план.

Я не хочу держать Карину в подвале постоянно. Не затем я ее выкрал. Немного припугну, потом вытащу и получу благодарность, что принцесска снова увидела свет.

А дальше...

О, дальше все мои планы крутятся возле ее маленькой маленькой дырочки. И лишение девственности – полная ерунда по сравнению с задуманным.

Я успел пообедать, распорядиться насчет подноса моей пленнице, потом – взять одеяло с кровати в соседней спальне и спуститься до следящих мониторов.

– Как она?

Наблюдатели пожимают плечами:

– Ноет. Третий час все ноет и причитает.

Я смотрю в экран, но кроме горки мятого подола ничего не вижу.

– Звук есть?

– Конечно, босс, – отзывается один, что-то переключает на пульте, и я вместо пения лесных птиц слышу завывания своей принцессы.

Она хлюпает носом, шмыгает и тихо-тихо рыдает.

– Не кричала? Не закатывала истерик?

– Нет, босс. Все время только ноет.

– Понятно. Иди отнеси еду. Я пока останусь здесь, посмот-

рю.

Один из парней берет поднос и уходит. Через несколько минут я вижу его в камере. Из-под вороха отрезанных юбок выглядывают заплывшие от слез глаза принцессы.

– Я не буду здесь ничего есть. Уберите.

– Тень сказал отнести. Я отнес, – бурчит наблюдатель.

– Кто он?

– Мой босс.

– Нет, не это... Кто он – наемник? Убийца?

Я вижу, как мой человек снова пожимает плечами:

– Предприниматель.

– Он тебе платит? – принцесса откидывает ворох юбок и поддается к наблюдателю. – Выпусти меня. Мой папа заплатит тебе в два, нет, в три раза больше!

Она хватает его за брючину, но он отшвыривает девушку.

– Тень мне платит достаточно. А грязные деньги своего папашки оставь при себе.

Разворачивается и уходит. Я удовлетворенно улыбаюсь. На меня не работают случайные люди. Все проверенные и преданные. Поэтому я неуловимый.

Я почти расслабляюсь в ожидании, когда наблюдатель вернется на пост. Краем глаза смотрю, как принцесса в темноте пытается нащупать еду на подносе.

И все идет по плану, пока дверь в ее темницу с треском не распаивается и не входит высокий парень.

Я узнаю своего брата.

– Твою мать! – рычу и срываюсь с места.
Лишь бы успеть, пока он не прикончил ее!

Глава 3. Поломанные крылья

Каролина

Я буду голодать. Папа найдет меня раньше, чем я умру с голоду. Но с подноса нестерпимо вкусно пахнет. Я решаю только проверить, чем меня собираются кормить в неволе. Ничего не видно, я руками осторожно нахожу край подноса и тарелки, поднимаю и подношу к носу. Что-то вкусное, мясное. Но не понимаю что.

Лазанья?

Паста?

Рука сама собой пытается нащупать вилку. Нет! Я есть не буду. Только попробую. Случайно опрокидываю бутылку. Вода. Это хорошо. Ее надо оставить.

Следующей мыслью приходит вопрос о туалете. Неужели и нужду придется справлять здесь же? В ведро?

Как я его нащупаю в темноте?!

Но тут ярко загорается свет и слепит меня. Я все еще держу тарелку с чем-то соблазнительно-вкусным, когда мне сжимают горло железной рукой, срывают с места, с силой впечатывая в стену.

От удара выбивает дыхание, и больше я не могу вздохнуть. Чья-то рука намертво перекрыла мне доступ к кислороду.

Я бьюсь, цепляюсь в руку убийцы, ломаю ногти, расцара-

пывая ему кожу, но он только сильнее сдавливает мне горло.

Ни криков, ни угроз, только мое бестолковое трепыхание. Я понимаю, что проиграла. Он выпустит из рук только мой труп.

Папа... Папочка... Ты не успел.

– Кай, отпусти ее. Сейчас же.

Сквозь звон в ушах я слышу голос Тени. Так это не он душит меня?

– Она сдохнет, – рычит незнакомый голос рядом с моим ухом.

– Но не сейчас, – холодно отрицает Тень. – Разожми пальцы. Ты убьешь ее потом. Обещаю.

Но уже поздно... Я бессильно обвисаю в руке убийцы.

Тень

Смотрю на напряженную спину Кая и боюсь не за принцессу. Боюсь, что у брата снова будет срыв. Сколько он продержался? Почти год. Психиатр предупреждал, что могут быть обострения и срывы. А я не хочу снова потерять брата и проходить круги ада, чтобы найти и вытащить его оттуда.

– Кай, отпусти её, – медленно и спокойно повторяю я раз за разом, пытаясь пробиться через завесу его ненависти и гнева.

Карина повисает на его руке. Не знаю, откачаю я ее или нет, но жалею, что план мести так бездарно провалился. Я не думал, что Кай вмешается. Вроде мы с ним все проговорили,

и он согласился.

Губы принцессы синеют. Я хочу метнуться и оттащить брата от пленницы, но не могу! Кай сейчас не понимает, где друг, а где враг. Он готов уничтожить любого.

Ее папаша много лет ломал его психику, издевался и калечил. И теперь вместо брата со мной живет инвалид.

Кай красивый. Молодой, поджарый, яркий. Я бы охарактеризовал его огнем, в котором сгорают бабочки. Но он – холодный огонь, а в истерзанной душе Кай – сгусток оголенных нервных окончаний. Ни одной бабочке не пробиться к его сердцу живой.

Принцесса падает к его ногам безвольной куклой.

Я незаметно перевожу дыхание.

Сначала изолирую брата, потом попробую спасти Карину.

Черт! А начиналось все так хорошо!

Пошатываясь, Кай подходит ко мне. Смотрит в пол. Мне это не нравится. Если он закроется, то вывести его из этого состояния почти не реально.

– Ну чего ты, – неправдоподобно бодрым тоном начинаю я, кладу ему руку на плечо и вывожу из темницы. – Пойдем выпьем пивка. Хочешь, вечером поудим рыбу на озере?

Кай не отвечает.

Черт. Черт!

Больше я не говорю. Веду Кая до комнаты и тут же делаю знак своим.

– Врача брату. И вызовите Карлсона принцессе.

Кто-то хохочет, но мне достаточно одного взгляда из-под капюшона, чтобы смех заткнулся.

Я не знаю, как поступить. Оставить девушку в подвале или перевести на второй этаж к моей спальне. Я еще не готов открыть ей свое лицо. Наше тесное знакомство должно состояться в абсолютной темноте.

Теперь с поправкой: если она выживет.

Я спускаюсь в подвал, включаю свет. Мне не нравится, как выглядит принцесса. Она так и не приходит в себя, губы синие, шея отекает на глазах.

Может, поздно звать Карлсона, сразу – бригаду зачистки.

Я плююсь, чертыхаюсь и склоняюсь над ней, не зная, что делать.

Ярость доходит до кипения. Я приподнимаю ей голову, ощупываю шею. Взгляд останавливается на сломанных ногтях. Под ними запеклась кровь. Меня всего переворачивает. Я на грани разнести все в щепки!

Ведь мог же изолировать принцессу в другом доме. Зачем было тащить ее в свой? Нет, мне хотелось, чтобы она каждую чертову секунду была перед глазами и под рукой. Чего я добился?

Она неизвестно, выкарабкается ли, а брат снова впадет в свою адскую кому.

К чертям все!

Выебать ее и выбросить...

Но вместо этого я осторожно поднимаю ее и переклады-

ваю на матрас. Пытаюсь натянуть остатки платья, чтобы прикрыть трусы. Уже не такие девственно-белоснежные, но все же притягивающие взгляд темнеющими под ними завитками.

Скриплю зубами, думая об одеяле. Но в подвал влетает Карлсон. Такой же быстрый, низкий и круглый. Рассекает на голубом круже. Не бесплатный, но надежный, как швейцарский банковский сейф.

– Прострел? Ножевое? – по-деловому коротко спрашивает Карлсон, а я хватаю дурацкий подол и прикрываю бедра принцессы.

– Удушение.

– Хреново, – констатирует доктор, только бросив взгляд на Карину, но никаких вопросов не задает.

Вот по этой причине получает заоблачные гонорары за свою помощь.

Я не вмещаюсь, пока он ощупывает принцессу, пыхтит, измеряет давление, пульс и еще что-то.

– Позвонки целы, гортань не сломана. Плохо, что отек распространяется. Поставлю воротник. Два раза в день – капельницы и мази. Пусть лежит, не встает. Ходит в судно. Питание только жидкое.

Только после этого оглядывает подвал и замечает:

– Условия бы постерильнее, но дело твое.

Я киваю. Действительно мое. Здесь я сменю замок и заберу все ключи, чтобы Кай не добрался до нее снова. А наверху

ее никто не спасет.

Вряд ли шейка принцессы выдержит второй раз.

Провожая доктора, рассчитываюсь. Отправляю парней за лекарством и вызываю слесаря.

Проходит часа три. Принцесса под надзором нанятой сиделки с медобобразованием. Она не местная, из какого-то колхоза. Привезли с мешком на голове, увезут так же. Ничего, кроме подвала, она здесь не увидит.

Ключи от нового замка у меня. Это злит. Теперь я намертво привязан к режиму принцессы.

Но самое неприятное впереди. Вышел врач от Кая. Молча мотает головой. Протягивает рецепт.

– Все плохо? – спрашиваю, непроизвольно смятая чертов листок.

– На грани, – признается врач. – У него давно не было приступов, поэтому каждый случай может стать последним. Тут небольшие дозы, поддерживающая терапия. Но нужно принимать месяц по времени.

И это самое трудное. Кай ненавидит лекарства и лечение. Его драконит любое напоминание о психбольнице. Даже белые, голубые и зеленые халаты и стены.

Врач уходит, и я второй раз отправляю парней в аптеку.

Что за на хрен? А ведь по плану я должен был просто проводить весело время с перевернутой вверх ногами принцесской.

Твою же мать!

Я возвращаюсь в подвал, выгоняю сиделку. Пусть сделает личные дела, перерыв и ей нужен. Сам присаживаюсь на корточки перед Кариной.

Она пришла в себя. Видит меня и сразу подбегает, подтягивает к себе колени, натягивает одеяло к самому ошейнику.

– Ты принадлежишь мне, – весомо произношу я, – перед богом и людьми. Отец тебе ничем не поможет. Хочешь жить – слушайся.

Она на миг замирает, потом неуверенно кивает. Мне не нравится ее колебание, но сейчас я ничего не могу сделать. Она слишком хрупкая и слабая, чтобы показать мою власть.

Но впереди у нас много времени.

Глава 4. Консуммация брака

Каролина

Я запомнила того ублюдка. Он нереально белый с льдистыми глазами. Нет, не холодными, а именно бесцветными, словно куски льда вместо глаз. Волосы, брови абсолютно белые, но ресницы черные.

Разве у альбиносов так бывает?

Я не могу говорить, только хриплю. Воротник полностью сковывает мне шею и плечи, я не могу повернуться, приходится вертеться всем телом.

Женщина, которую Тень прислал мне, кормит меня из трубочки. Я послушно пью, хотя не чувствую ни вкуса, ни запаха. Она же не дает мне сходить в туалет. Я терплю, мне унижительно мочиться в судно.

Не могу спросить ее, сколько еще буду прикована к постели. Хотя какая это постель?

Усмехаюсь и тут же жмурюсь от боли.

Когда входит Тень, мне становится страшно. Я не знаю, кто был тот белый убийца, но оставил он меня только по приказу Тени.

Хоть в подвале и горит тусклая лампочка, лица Тени снова не разглядеть. На нем всегда капюшон и маска. Зачем он носит их в своем же доме? Чтобы я потом его не узнала? Значит, собирается выпустить меня?

Не убьет?

– Ты принадлежишь мне, – хрипло говорит он. – Хочешь жить – слушайся.

У него хриплый скребущий голос. Мне не нравится. Мне все в нем не нравится, но я соглашаюсь. Мне просто надо дотянуть, пока отец разыщет меня.

Тень уходит, и я вздыхаю спокойнее.

На три дня о нас как будто забыли. Все.

Я радуюсь, что могу вставать и сама ходить в ведро. Что пусть шепотом, но говорю. Женщина отказывается помочь мне. Ее никакими деньгами не перекупить. Она боится. Пусть не говорит, я вижу это по глазам.

Каждый день она ставит мне капельницу. Когда я пытаюсь отказаться, предупреждает, что позовет Тень и все равно проведет процедуру.

Лучше капельница, чем Тень.

Но больше всего меня беспокоит, что отец так и не объявился. Я жду его каждую минуту, когда не сплю. Сколько ему нужно времени, чтобы вычислить и убить Тень?

Больше, чем есть у меня.

На четвертый день Тень возвращается. Кивком головы в капюшоне прогоняет сиделку. Присаживается на корточки рядом со мной. Я молчу. Снова вздрагиваю.

– Завтра приедет врач, – говорит он. – Переоденься.

Только теперь я замечаю в его руке пакет.

Я все еще в испорченном свадебном платье. Точнее, в кор-

сете от него. Пока мне было плохо, я не замечала. Меня больше волнует грязь и запах. Я мечтаю о душе и о своей постели.

Но попросить об этом похитителя не решаюсь.

Я беру протянутый пакет и не двигаюсь. Он тоже сидит. Ждет.

Чего?

– Он снимет тебе ошейник и проверит шею.

– Хорошо, – шепчу я.

Тень подается вперед, и теперь я вижу, что он в маске. Зря старается. Я узнаю его по глазам. Из тысячи человек – его глаза я узнаю сразу!

– Теперь переодевайся, Карина.

И только тут я понимаю, что он останется смотреть. Я беспомощно оглядываюсь. Что если потушить свет? Пусть он тусклый, но даже его слишком много, когда за мной собирается подглядывать чужой и неприятный мне тип.

– Я могу потом?.. – шепчу, прижимая пакет к груди.

– Нет, – ожидаемо хрипит он в ответ.

– Тогда я останусь в своем, – отшвыриваю принесенную им одежду.

– Нет.

– Я не могу раздеваться при тебе, – в последней попытке отговориться объясняю ему.

– Я твой муж, – насмешливо отвечает он, – хочу видеть.

– Ненадолго, – вспыхиваю я, хотя обещала сама себе не вступать с ним в разговоры.

– Разве? Я буду связан с тобой на веки вечные, дорогуша, как в сказке про принцесс. Папа читал тебе на ночь такие?

– Папа найдет меня и расторгнет брак, – плюю я ему в скрываемое лицо.

А в следующую секунду он рывком поднимает меня с матраса и придавливает к холодной бетонной стене. Не глядя разбивает единственную лампу, и мы тонем в крошечной темноте.

Вот тогда я чувствую его злое дыхание. Тень снял маску, но я все равно не вижу его лица, зато слышу злорадный шепот.

– Расторгнет? На каком же основании, если ты сама дала согласие выйти за меня?

Я молчу. Знаю, что своими словами сделаю только хуже.

– Я тут подумал, – продолжает Тень, – что и с медовым месяцем откладывать не стоит.

До меня доходит, что он собирается сделать. Я упираюсь ему ладонями в грудь и кричу:

– Не-е-ет...

Голос тут же срывается, а сопротивление мерзавец даже не замечает.

Он срывает с меня корсет и подкидывает за бедра выше. Я захлебываюсь в беззвучных рыданиях, шепча одними губами «нет-нет-нет».

Он не целует, не пытается как-то смягчить насилие. А я и не жду. Он с самой первой минуты приговорил меня к этой

участи. Или с ним, или со всеми его наемниками.

Только я надеялась, что папа успеет... Что заберет меня раньше, чем...

Тень резко опускает меня, и я реву, бьюсь в его руках, раздираю сломанными ногтями плечи, вливаюсь в лицо.

Это больно, это неприятно.

Тень перехватывает мои руки и поднимает над головой, удерживая их своей ручищей. Он рычит и ругается. Но мне плевать. Я чувствую себя беспомощной, распятой, поруганной. Теперь на мне грязь, которую не смыть.

Папа опоздал.

Мой жених не захочет взять меня в жены...

Но я ничего не знала о боли.

Тень двигается во мне, и я не могу ни кричать, ни плакать. Я задыхаюсь и мысленно молюсь, чтобы все быстрее кончилось...

Он вздрагивает и отбрасывает меня на матрац. Обесчещенную, оскверненную.

– Оденься. Завтра придет врач, осмотрит тебя. Можешь не благодарить.

Он уходит.

Я даже не пытаюсь найти свой разорванный корсет. Заворачиваюсь в одеяло и перестаю считать дни.

Моя жизнь все равно кончена.

Тень

Я бы мог сказать, что это было неприятно. Но хрена соба-
чьего! У меня на нее встал сразу же, как только я вошел.

Грязная, сломанная, но все такая же гордая и упрямая.

Еще вчера мой друг предупредил, что без секса брак за-
просто признают незаконным. Друг у меня юрист, и я ему
верю.

Вначале я не решил, хочу ли серьезно этого брака. Ведь
женился я на ней чисто для пафоса. Даже представлял как
она в первую брачную ночь увидит мое настоящее лицо и
завизжит от ужаса.

Оставлять ее я не хотел. По плану не хотел.

Но тут всплыли интересные подробности про делишки ее
папаши. Тот не просто выдавал дочь замуж, а сливал свои
активы с другой небедной семьей.

И тогда я сообразил. Принцесса ведь единственная на-
следница. Если она станет моей женой по-настоящему, то
план придется немного подкорректировать, но я гораздо ос-
новательнее ударю по ее отцу! Не только морально уничто-
жив, но и отобрав деньги, которые изначально принадлежа-
ли нам!

Нашей семье!

Вопрос подтверждения брака отпал сам собой.

А после ее тугой узкой щелки я вообще потерял покой. Я
уже не хочу, чтобы Карина увидела меня и испугалась...

Наутро встречаю доктора, прошу о небольшом одолжении
и провожаю к пленнице. Тот снимает с нее ошейник, осмат-

ривает синюшную шею, но удовлетворенно кивает.

– Отек спал. Еще неделю на укрепление и к ней вернется голос, – сообщает Карлсон. – Капельницы отменяем, сиделку можно отпустить.

И это отличная новость.

Я провожаю доктора, возвращаюсь в подвал и достаю шприц.

Принцесса задирает подбородок.

– Наркотики? Опять? – шепотом сипит она, но я не отвечаю.

Подхожу и делаю укол.

– Противозачаточный. Или ты хочешь от меня наследника? – усмехаюсь я.

Но она не видит моего лица. Пока. Зато я вижу, как кривится ее губа и начинает мелко подрагивать.

И это, мать его, самое эротичное зрелище, которое у меня было.

– Надень это, – протягиваю ей маску для глаз. – Снимать нельзя. Сиделка отведет тебя в душ.

Я уверен, что она откажется. Но Карина облегченно вздыхает и с готовностью надевает маску.

Только в душ ее поведет не сиделка.

Сиделке также надевают мешок на голову, чтобы вывести из дома и рассчитаться за услуги.

В душе свою жену буду мыть я сам.

Она не понимает до самого конца, что с ней иду я.

Я провожаю ее по лестнице, я направляю ее в комнату, я ставлю ее в душ и снимаю купленную ночнушку.

Только в этот момент, стыдливо прикрываясь руками, она спрашивает:

– Теперь я могу снять повязку, как думаешь?

– Нет, – отвечаю и выдаю себя с головой.

Принцесса дергается, а я включаю душ на полную, обдавая ее водопадом.

И снова Карина преображается. На секунду забывает обо мне, запрокидывает голову, подставляя лицо струям воды. Отнимает руки от груди и умывается, задевая маску.

– Маску не снимать, – ворчу я, а сам не могу отвести взгляда от упругих округлых грудей.

Они совершенны. Белая плоть с вершинками-вишенками, которые нестерпимо хочется пососать. Да и с чего бы мне терпеть?

Я толкаю ее к стене. Карина тут же вспоминает, где она и с кем. Вскрикивает и закрывает свое совершенство руками. Но я уже знаю, что это не поможет.

Отнимаю ее руки от груди, настойчиво поднимаю их вверх и приказываю:

– Не смей опускать. Про расплату ты знаешь.

Наверное, можно уже не угрожать, но мне хочется проверить ее послушность и сообразительность.

Я с тоской провожу кончиками пальцев по изуродованной синяками шее. Где-то они еще темные, где-то начинают жел-

теть, но все равно напоминают мне о насилии брата.

Принцесса не двигается и, кажется, не дышит.

А я опускаю ладони ниже и обхватываю полные нетронутые груди. Стискиваю, отпускаю. Вижу, как на коже сразу появляются красные отпечатки моих лапищ. Ну и пусть. Я мечтаю оставить на ней и другие следы. Пусть привыкает.

Снова сжимаю, свожу вместе, мысленно вставляя каменный стояк в ложбинку между грудью. Не сдерживаю стон, наклоняюсь и обхватываю губами одну вишенку. С наслаждением облизываю ее, сосу и переключаюсь на вторую.

Они твердеют на моем языке. Мне нравится эта реакция. Девушка может быть неискушенной, но тело точно знает, что и как ему хочется.

А этому телу совершенно точно хочется секса. Развратно-го, грязного долгого секса. И я чертов волшебник, который может это устроить.

Я развязно трусь о ее сиськи, оставляю засосы, играю с сосками. Губами, зубами, совершенно отрываясь от реальности. И в какой-то момент ловлю ее первый прерывистый стон.

Поднимаю голову. Чувствую ее руки на своих плечах. Но маска остается на глазах.

Это подстегивает к большему.

– Я не разрешал опускать руки, – рычу я.

Карина ойкает, снова поднимает руки, но я уже отталкиваю ее к другой стене, где вверху прикручены полотенцедер-

жатели.

– Будешь держаться за них. И ни в коем случае не отпустишь.

Она снова передо мной как на ладони. Но я хочу начать с другого. С удовольствия.

Момент боли и принуждения она уже испытала на себе. Пусть теперь попробует на вкус оргазм.

А я попробую на вкус ее. Дочь моего врага...

Я встаю на колени, раздвигаю руками ее бедра. Открываю себе полный вид ее полудевственных складок. Кудряшки намокли, зазывая зарыться в них пальцами и трахнуть.

Легкий хрип выходит из ее пухлых губ.

– Что ты делаешь?

– Все, что захочу. Помнишь?

Ее запах действует на меня одурманивающе.

Я с ухмылкой смотрю, как до нее наконец доходит мое намерение. Она пытается сдвинуть ноги. Не пустить меня к своей киске.

Я сильнее нажимаю на внутреннюю поверхность бедер, раздвигая большими пальцами складки. Обнажая розовую кнопочку клитора. Жадно облизываюсь, предвкушая, как займусь этой маленькой жемчужинкой.

Я не вижу ее реакцию. Все мое внимание сосредоточено на ее киске. Я в нетерпении облизываю губы и наклоняюсь вперед, прижимаюсь губами к влажной сердцевине.

Боже, какая она вкусная... Сладкая и соленая однове-

менно. Я пронзаю ее своим языком и удивляюсь сдавленному звуку сверху.

Член тут же дергается в брюках навстречу зову. Но я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме бархатной кожи под моими губами.

Медленно, смакуя каждое движение, провожу языком по клитору и прикусываю блестящий бугорок. Принцесса дергается, насаживаясь мне на лицо.

Мне смешно. Она, наверное, хотела отодвинуться, а не испытать мой язык на всю длину.

Ее лицо уже краснеет. От щек, шеи нежный розовый оттенок спускается ниже по телу, до самых кудряшек.

– П-пожалуйста, не надо.

Черт побери! От этого «пожалуйста» я могу кончить в штаны.

– Мне нравится, как ты просишь, – хриплю я и крепче сжимаю ее ноги руками.

Снова наклоняюсь вперед, чтобы вылизать ее до капли. От клитора до входа в узкое влагалище. Я помню, как мне там было охрененно!

Щелкаю языком по клитору, выбивая из нее еще один пугливо-удивленный стон. Лижу ее, пока она не начинает выгибаться в моих руках. И тогда я чувствую, как ее бедра пытаются поймать заданный мной ритм.

Я переключаюсь с клитора на складки. Обхватываю их губами, посасываю, улавливая ее тихие постанывания.

Дыхание принцессы меняется. Становится резким и поверхностным. Я проталкиваю язык внутрь и быстрыми небольшими погружениями дразню ее текущую дырочку. Ее бедра дрожат в моих руках.

Принцесса шумно кончает, а на мой язык попадает еще больше ее сладкого сока. Я вылизываю, смакуя каждую каплю.

Когда она перестает дрожать, голова свешивается на грудь. Принцесса опять рыдает, хотя и выглядит при этом чертовски восхитительно.

Я мог бы сейчас вытащить член и с силой вдуть ей, чтобы она кончила снова. Но где-то в глубине души маячит предупреждение. Кричит, чтобы я не спешил, не давил слишком быстро и грубо.

Я встаю, прежде чем успеваю передумать и трахнуть готовую принцессу. Беру гель для душа, обильно лью на ладонь, растираю и обхватываю руками ее тонкое тело.

Она поднимает лицо, и по сведенным бровям понимаю, что будет просить.

– Не надо. Я сама...

Я усмехаюсь и отвечаю, не пытаюсь скрыть гнева.

– Здесь я устанавливаю правила и порядки, принцесса. Чтобы больше не слышал, что надо, что не надо. Я отдаю приказ, и ты ему подчиняешься. Если ты исполняешь все правильно, я забочусь о тебе. Если сопротивляешься – накажу тебя.

Неожиданно Карина поворачивает голову на звук моего голоса. Ее губы останавливаются в опасной близости от моих. Я резко перевожу дыхание, чувствуя, что снова готов плюнуть на план не торопиться.

– А что было сейчас? Только что? Забота или наказание?

Я стискиваю зубы, чтобы не развернуть заразу, не нагнуть и не втащить ей по самые яйца. Вместо этого ощутимо шлепаю рукой по намыленной заднице и тут же щурюсь от удовольствия, стискиваю, сильно впиваясь пальцами в соблазнительные ягодицы.

– Уверен, что если повторить, ты сама разберешься.

– Я никогда не буду просить или нарываться. Тебе не придется повторять.

Я слышу в ее голосе вызов. Она словно нарочно провоцирует меня. И я реагирую, прежде чем подумать, хватая ее за шею рукой. Не сжимаю, но удерживаю у стены, заставляя принцессу стоять на самых кончиках пальцев.

– За ртом своим следи, или я заставлю тебя пожалеть о поспешно данных обещаниях.

Все, что я хочу – развернуть ее к стене и трахнуть, пока мы оба не станем кричать. Но я пока не могу этого сделать. Не сейчас, когда принцесса по сути вынуждает меня к действиям.

Я прижимаюсь теснее, давая ей бедрами почувствовать эрекцию в намокших в душе штанах. Она задыхается, но я сохраняю ясность, спокойствие и собранность. Как будто она

меня совсем не трогает. Как будто я не умираю от желания погрузиться по самые яйца в ее тепло.

– Если все еще хочешь принять душ, стой спокойно и молчи.

Я отпускаю ее и выжидаю несколько секунд. Карина не двигается. Она приняла условия. Снова намыливаю руки и начинаю водить ими по телу. Только теперь даже не пытаюсь беречь ее чувства, наоборот, задеваю их по полной, нагло задерживаясь на интимных местах и натирая там, где у нее повышенная чувствительность.

Ей трудно сохранять спокойствие, когда я ныряю пальцами между складок, задеваю клитор и специально проскальзываю во влагалище. Совсем чуть-чуть, только подразнить. Но принцесса приоткрывает губы и замирает с приоткрытым ртом.

И теперь мне хочется скользнуть туда чем-то другим. Поставить горячку на колени и...

Конец нещадно ломит от пошлых, грязных мыслей. Должен ли я терпеть?

– Ты можешь остаться в подвале, – шепчу я ей, почти до-трагиваясь губами уха.

Я продолжаю кружить пальцами ей между ног и улыбаюсь, чувствуя, как она раскрывается, раздвигает ноги шире, наклоняясь вперед, чтобы я будто случайно задевал клитор рукой.

Мне невыносимо приятно не только зарываться пальцами

в нежную плоть, но и чувствовать ее напряжение, ее отклик на мои движения.

– А можешь согласиться на милую спальню на втором этаже. Но...

Я замолкаю, но пальцы не переставая кружат у входа и ныряют в пульсирующее влагилице.

Она хочет меня. Не признается, но хочет. Ни языка, ни пальцев, а на всю гребаную длину члена хочет. Даже если еще не понимает этого.

– Но? – подстрекает меня закончить фразу, а я закатываю глаза от волны секса в ее охрипшем голосе.

Мать твою! Кто тут великий соблазнитель – я или она?

– Но в подвале проще спрятать тебя от брата.

Она вздрагивает и выпрямляется, машинально прикрывая горло. Я с сожалением подтверждаю:

– Да, он. И он ненавидит тебя сильнее меня, принцесса.

Я тяжело вздыхаю и обхватываю руками ее талию, удивляясь, что могу запросто коснуться пальцами рук. Неужели она настолько похудела всего за неделю?

– Есть еще кое-что. Помимо брата.

– Что может быть страшнее твоего брата? – горько переспрашивает она.

– Я.

Она молчит, не понимает, что во мне может быть страшно.

– Как ты понимаешь, тебе все равно придется раздвигать

для меня ноги. И не только.

Принцесса кривит губы. Похоже, теперь ей это не страшно.

– И поверь мне, в темноте подвала это будет проще, чем при свете дня.

– Мне все равно.

Но я вижу, что ей совсем не все равно.

– Запомни. Я предупредил.

Она кивает.

– Я хочу жить в нормальной спальне. Спать на нормальной постели. И ходить в нормальный туалет.

Я смеюсь:

– Ваше желание исполнено, принцесса. Теперь домывайся сама, – я сую ей в руки губку. – Маску можешь снять, когда я выйду.

Почти сразу же разворачиваюсь и ухожу, оставляя мокрые следы за собой. Иду в свой душ, скидываю мокрую одежду, врубаю напор на полную и ругаюсь на чем свет стоит!

Как я вообще поддался ей? Какого бы хрена не держать ее в подвале и дальше?

Но нет. Мне захотелось держать ее ближе, смотреть не только с камер наблюдения, а в живую. Укладывать в свою постель и вдавливать в матрас, вытрахивая из нее эти изумительные стоны.

Слабак!

Как теперь Кая удержать от Карины подальше?

Мудак, бля...

Глава 5. Оргазм и боль

Я долго стою под душем, потом снимаю повязку и привыкаю к свету. Мне хорошо уже оттого, что я чистая. Почти.

На самом деле я чувствую на себе его руки, его метки. Не понимаю, что чувствую к Тени. Он не добрый. Он делает со мной ужасные вещи! Но хуже ли он брата, который чуть не убил меня?

Беру мочалку, намыливаю ее и начинаю тереть себя до боли, до красноты. Я хочу стереть, соскрести с себя его прикосновения, его отпечатки пальцев и губ, грязные засосы.

Не жалею сил, жалею только, что мне нельзя сбросить кожу, как змее, и нарастить новую. Очень быстро добираюсь до низа живота и там притормаживаю.

Там я не могу тереть с остервенением. Я слишком сильно чувствую. Я еще помню накрывшее меня переживание от его прикосновений. Не хочу думать, почему не остановила его. Могла ли я? Или почему получила столько удовольствия, ведь я ненавижу этого мужчину. Как я могу таять от его касаний?

Я провожу между ног мочалкой и тут же окидываю ее. Намыливаю руки и натираю пеной, не жалея геля. Руки предательски скользят по чувствительной коже. Я ощущаю приятное покалывание и томление. Но это не идет ни в какое сравнение с тем, что я испытывала, когда касался он.

Оглядываюсь на дверь. Она закрыта. Смываю гель с рук и увереннее трогаю себя между ног. Охаю. Приходится приклониться к стене, чтобы не упасть. Ноги дрожат, с губ слетают постыдные стоны. Но я хочу понять!

Дотрагиваюсь до бугорка и закусываю губу от восторга. Мне очень нравятся те грозовые раскаты, которые проносятся по коже, стоит надавить на эту маленькую кнопочку. Еще. И еще раз. И с каждым разом я запускаю веер восхитительных сокращений по всему телу.

Но мне мало давить только на одну эту кнопочку. Я внешне чувствую просыпающийся голод глубже и не очень понимаю, чем его заткнуть.

Воспоминания о первом сексе безрадостные. Он был отворачивательным. Таким я не хочу заниматься, но Тень предупредил, что придется терпеть. А что, если он будет чередовать боль и удовольствие, как сделал это сейчас? Может, тогда я пойму, как перестать испытывать это сосущее напряжение.

Бугорок стал невыносимо чувствительным. Я его слишком натерла. Наверное, с гелем такого бы не случилось, но теперь от каждого прикосновения я вздрагиваю и морщусь.

Удовольствия больше не было, а вот желание еще раз испытать его осталось.

Тщательно промыв волосы, беру полотенце, растираюсь, наворачиваю его на голову, и в той же сорочке, в которой пришла, осторожно выхожу из ванной.

Что я мечтаю обнаружить?

Мне стыдно, но я надеюсь, что Тень ждет меня с желанием наброситься и завладеть моим телом. Но в комнате пусто. Посередине у окна стоит большая кровать, на стене висит телевизор. Еще здесь есть комод для белья и на нем кувшин с водой, а рядом стакан.

Вот только меня привлекает окно. Неужели Тень оставил меня наверху без присмотра?

Единственная мысль, которая теперь пульсирует в моей голове – бежать! Найти отца, попросить о помощи!

И я подбегаю к окну, прикидывая в уме, как буду спускаться со второго этажа. Свяжу вместе шторы и простыни. Я такое в кино видела.

Вот теперь я молюсь, чтобы Тень забыл обо мне на пару часов. Этого времени мне хватит на побег!

Но все оказывается сложнее. Толстая ткань не завязывается в узел. А когда я все же связываю простынь со шторой вместе и тяну, узел расползается. От бессилия рыдаю, но цель выбраться из плена подгоняет.

Бросаю штору и освобождаю пододеяльник. Ищу ножницы, беспорядочно разбрасывая все, что попадает по руку. В моих планах нет возвращаться сюда.

От досады топаю! Ничего, кроме белья и каких-то бесполезных расчесок, ватных дисков, гигиенических палочек, в ящиках нет. Но я не сдаюсь, вгрызаюсь в пододеяльник зубами и рву. Он поддается, я рву на всю длину, пусть не ровно,

но мне же не до красоты.

Глотая слезы, связываю в одну длинную веревку две части пододеяльника и простынь. Нервно смотрю из окна – должно хватить.

Привязываю один конец к ножке большой кровати, выбрасываю свой спасительный канат в распахнутое окно и сажусь на подоконник.

В моем плане возник огромный минус – я не подумала, что мне придется повиснуть на простыне в шести метрах от земли. Я вообще слабо представляю, как решусь на такое.

Но много времени ушло на поиск ножниц. Теперь я трачу его впустую на фрустрацию, спускаться или нет. А Тень придет за мной! Вряд ли меня надолго оставят одну.

Будет ли еще шанс сбежать?!

Я уверенно, пока не передумала, перекидываю ноги через окно. Последний раз набираю в грудь побольше воздуха. Хватаюсь крепче за импровизированный канат и спрыгиваю, в последний момент не удерживаюсь от крика.

Страшно.

Страшно безумно.

Но мне надо выбираться отсюда. Папа меня здесь не найдет.

Ноги запутываются в пододеяльнике, я ругаюсь сквозь зубы и не могу разжать ни одной руки, чтобы перехватиться и спуститься ниже.

Зачем? Зачем я это затеяла?

Я застряла. Теперь не могу ни спуститься, ни подняться обратно.

Все что я могу – рыдать!

Тень

Я стою внизу и смотрю на тщетные попытки принцессы сбежать из окна второго этажа.

В этой миленькой головке вообще нет страха и здравых мыслей? О чем она думает, когда каждый раз нарушает мои приказы и свои обещания?

– Тень, ее спустить? – спрашивает наемник.

– Нет, – вздыхаю я, – пусть еще повисит.

Карина висит между этажами, медленно сползая на слабевущих руках. Вцепилась в тряпки и рыдает, но земное притяжение делает за нее всю работу – медленно тянет вниз.

– Собак приведи. Четверых. На цепи. Намордники только не надевай.

Один не справится с моими питбулями. Берет еще двоих на помощь. Я поворачиваюсь к четвертому:

– А ты притащи чучело.

Наемник усмехается:

– Начинить его мясом?

Я киваю, полностью одобряя план.

Принцесса видит приближающуюся землю, но все еще не видит меня. А зря. Я ей такой спектакль приготовил! Его лучше смотреть сверху.

– Скормишь собакам? – доносится безэмоциональный голос брата над ухом.

Я вздрагиваю и медленно поворачиваюсь к нему.

– Пока не собирался.

Кай смотрит мимо меня на хнычущую принцессу.

– Я бы посмотрел на это. Как закончишь ее трахать – зови. Расправу хочу видеть.

Кай разворачивается и уходит. А я выдыхаю с облегчением. Кажется, всплеск неконтролируемой агрессии мы миновали. Но что скрывается за его холодным спокойствием?

Я слишком хорошо знаю брата, чтобы поверить тщательно дозируемым эмоциям с его стороны.

Принцесса почти сползла до конца. Не замечает ни меня, ни собак. Спрыгивает и тихо пищит от восторга, задирая голову и бесшумно хлопая в ладоши.

Ай да молодец! Смогла!

Это вызывает снисходительную улыбку, и я ей громко аплодирую.

Карина вздрагивает, медленно поворачивается и смотрит на меня. Замечает собак, с визгом подскакивает к веревке и пытается вскарабкаться вверх.

Я откровенно смеюсь, пока иду к ней. Успеваю подхватить на руки, когда она срывается, поставить и распластать по своему телу.

Член мгновенно реагирует на близость сладости. Она ведь моя. Что меня удерживает от постоянного траха с ней? А

черт его знает! Но сейчас я зол и возбужден. Продемонстрирую небольшую демонстрацию возможной расплаты в будущем и утащу наверх. Накажу так, что дня три будет лежать не вставая.

Я беру ее за подбородок и поворачиваю к моим сдерживаемым на цепях питбулям.

– Это бойцовые собаки. Они патрулируют всю территорию. Им все равно, свой ты или чужой. Они натасканы рвать в клочья любого. Понимаешь, принцесса?

Я даю знак, и один из наемников толкает чучело, очень похожее на человека, в сторону собак. А сам отступаю, когда четыре пасти с рыком разрывают чучело в клочья. Но на принцессу большее впечатление производят разлетающиеся куски мяса. Эффектно и пугающе.

Карина вырывается из пальцев, утыкается лицом мне в плечо и дрожит, цепляясь в рубашку неровными ногтями.

– Ты поняла, что с тобой произойдет, если еще раз попытаешься сбежать?

Она мелко кивает.

– Но за попытку удрать я все равно тебя накажу.

И от этого обещание во мне начинает бурлить кровь. Хрен знает, когда я натрахуюсь, пока еще толком не начал.

Я взваливаю ее на плечо, чтобы быстрее дойти до спальни, и уношу в дом. На пути снова встречаю Кая. По его презрительному взгляду понимаю, что он считает меня слабаком.

Но если слушать брата, то можно просто вмазать по го-

роду атомной бомбой и помянуть всех, кто погиб случайно. Без разбора убивать я точно не буду... Не смогу.

Вхожу в спальню и вижу бардак, оставленный принцессой.

Швыряю ее на постель и обвожу комнату рукой:

– У тебя пятнадцать минут, чтобы прибраться.

– А что потом? Не будешь наказывать? – с вызовом бросает она.

– Буду. Но снова переведу тебя в подвал. Время пошло.

Я хлопнул дверью, отправляясь к ребятам распорядиться, чтобы убрали собак. Еще успею принять душ. А потом принцесску от меня ничего не уберезет.

Все что меня волнует, как она отреагирует на мое лицо. Но это часть мести. Я хочу, чтобы она видела, кто использует ее тело.

Капо

Меня бьет мелкая дрожь. Это то ли озноб, то ли от нервов. Но я никак не могу успокоиться и не свожу взгляда с двери. Я была умницей, зачихала все разбросанные вещи обратно по ящикам. Надеюсь, он не станет перепроверять. Мне не до аккуратности.

Дверь открывается. Входит Тень. Снова спрятанный в капюшон и под маской.

Я нервно цепляюсь обломанными ногтями за голый матрас. Тень, видимо, замечает мое состояние. Бегло осматривает комнату и кивает.

Я успокаиваюсь. Мне достаточно одного его одобрения, чтобы немного расслабиться. Но снова напрягаюсь, когда он идет ко мне. Он даже не идет, а скользит ко мне, как тень. Бесшумная, черная Тень. Меня снова накрывает озноб.

– Повернись ко мне задом.

Голос звучит глухо, и я отказываюсь понимать его. Тень повторяет.

– Повернись.

Я вскакиваю с постели, но не отворачиваюсь, а испуганно смотрю ему в глаза. Я не понимаю по его взгляду, что сейчас будет. Но меня снова затапливает страх.

Тень сам разворачивает меня спиной и толкает вперед.

Я неловко падаю на локти и тут же получаю от него шлепок по задку. Не столько больно, сколько обидно.

Это наказание? Будет порка?

На меня никогда не поднимали руку. Даже в детстве. Даже в шутку. Я не понимаю, что чувствую. Но Тень хватает меня за бедра и подкидывает вверх. Я встаю в неудобную позу на локтях и на коленях. Пытаюсь опустить попу и подняться с колен, но Тень не дает. Снова шлепает, обжигая ягодицу, и давит между лопаток, мешая подняться.

Но самый стыд настигает, когда он трется выпирающей шириной между моих бедер. До меня начинает доходить, что наказание поркой не закончится!

Я дергаюсь, чтобы отползти, но Тень крепко держит за бедра.

– Стой так!

И я уже не могу игнорировать его приказ, зная, к чему ведет наказание. Только теперь Тень не собирается делать мне приятно. И я еще помню боль от первого секса.

Я зажимаюсь, когда он проводит ребром ладони между бедер, и тут же получаю болезненный шлепок. А после я не могу контролировать Тень. Он задирает подол, срывает с меня трусики. Те трещат, и я полагаю, надеть их больше не смогу.

Я кричу, когда его палец погружается в меня. Кричу снова от боли его шлепка. И теперь, что бы он ни делал, я не сдерживаю крики.

Пусть слышат! Пусть все слышат, как он издевается над пленницей.

Я чувствую его горячие бедра, прижатые к моим. Жесткая ткань джинсов натирает мне икры. Между нами больше нет препятствий.

Тень прижимает меня к постели. Твердость его тела невыносима. Мне трудно дышать, я борюсь за каждый вздох. Но независимо от того, сколько раз я вдыхаю, мне кажется, что этого мало.

Через мгновение он наклоняется по-другому, и я чувствую его между сжатыми бедрами, прямо между складок. Мышцы напрягаются, грудь болит от желания разреветься. А через секунду я понимаю, что он не входит в меня, а просто скользит между естественными складками.

Головка твердого члена задевает клитор. Уже через

несколько секунд я прикусываю губу, сдерживая хныканье. Тень снова скользит между ног всей длиной, ударяя в клитор, как в бубенчик. С губ срывается тихое рыдание.

Это... Это не так... Не то. Мне должно быть больно. Стыдно. А меня опять выворачивает от желания испытать грязное удовольствие с насильником.

Я часто дышу, когда он снова и снова двигается вперед. Мое тело расслабляется с каждым его выпадом в ожидании, когда он сделает больше. Я могу сосредоточиться только на том, чтобы упираться руками в матрас, сжимать зубы, чтобы не закричать от удовольствия.

Тень увеличивает темп, впиваясь руками в обе ягодицы. От этого я только теснее сжимаю его член между ног. Сердце бешено колотится, и я вслушиваюсь в звуки, издаваемые нами.

Тень задыхается. Его дыхание резкое, хриплое и приглушенное. Мне на мгновение жаль его. Если уж мне не хватает воздуха, то ему через маску его достается еще меньше.

Он некрасиво выражается, и дыхание словно освобождается. А сбоку от моего лица падает снятая маска.

Я еще не соображаю, что Тень сейчас стоит надо мной с открытым лицом, когда он с ревом победителя погружается в меня.

Я жду чего угодно, боли, агонии, разрывов, но вместо этого ощущаю непривычную, но такую правильную наполненность. От нее мне тепло. Внутри сразу начинает пульсиро-

вать раскрывающийся цветок.

Я ахаю от удивления и закрываю глаза от собирающегося внизу живота напряжения.

Тень двигается во мне, безжалостно вбивается. Думает, что наказывает. А мне стыдно от того, что готова принимать это наказание снова и снова, испытывая непередаваемый восторг.

Я кричу, и плевать, что выдаю себя с головой. Тень с тихим стоном замирает, его тяжелое дыхание опалает мою шею. Горячая жидкость стекает по внутренней стороне бедер. Я все еще дрожу, когда он отпускает меня и поднимается сам.

Я слышу, как он отходит и натягивает штаны. Все делает неторопливо, неспешно, как будто ничего такого не произошло. А я остаюсь на локтях и коленях с задранной задницей на голом матрасе, со стекающей по бедрам спермой. И не могу прийти в себя от осознания – что сейчас было? Как мне на это реагировать?

– Вставай, помойся и переоденься. Вещи принесут, пока ты будешь в душе.

Его пренебрежительный тон как пощечина. Уж лучше бы он меня наказал. На самом деле вlepил пощечину, чем сотворил такое. Я же не должна получать удовольствие от наказания. Не должна дрожать от секса с ним. Так почему это происходит?

Дрожь и удовольствие пройдут, но ужасное чувство стыда

останется со мной, даже когда я смою все следы со своего тела.

Я резко поднимаюсь с матраса. Чувствую, как сперма стекает по ногам дальше. Начинаю понимать, в чем мое наказание. Он просто попользовался мной, моим телом, как носовым платком. А теперь отправляет в стирку. Я хочу встретиться с ним взглядом, пока он еще не ушел, а маска лежит забытая на моей постели.

Но меньше всего я ожидаю увидеть вместо Тени чудовище.

И теперь я ору от ужаса.

От удовольствия не осталось и следа...

Тень

Я вижу ужас на ее лице и машинально закрываю лицо рукой. Маски нет. Поздно. Нет смысла делать вид, что она не видела или забудет.

Меня, увидев раз, уже не забудешь. Я становлюсь постоянным ночным кошмаром.

Отнимаю ладонь от лица и ухмыляюсь. Знаю, что это выглядит жутко, как оскал.

Карина забирается на постель с ногами и отползает в самый дальний угол, подальше от меня. Я делаю шаг к постели – принцесса заходится криком. И этот крик совсем не от удовольствия, как минуту назад.

– Страшно смотреть в глаза правде? – тихо спрашиваю я

и не спускаю с нее взгляда.

– Н-н-не подходи! – трясется она, вытягивает вперед руки, не подпуская.

Я делаю еще один шаг к ней.

– Ты только что извивалась от удовольствия на моем конце. Хочешь повторить?

– Нет! Я лучше умру!

Не могу удержаться от смеха. А она смотрит на меня и рыдает. Пусть еще вспомнит, как я этим лицом терся об ее киску и вылизывал каждую складочку.

Изнеженная недотрога!

– У тебя всегда есть выбор, – заканчиваю я ее пытку, беру маску и надеваю на лицо. – Или я или мои парни... Хотя можешь выбрать собак. Они с радостью вытрахают человеческую сучку, прежде чем разорвут ее.

Она зажимается и продолжает скулить.

– Месяца не пройдет, как ты будешь ползать у меня в ногах и умолять трахнуть тебя.

– Никогда!

– Запомни мои слова. Я всегда выполняю то, что обещаю, принцесса.

Разворачиваюсь и ухожу.

Мне хочется реветь, крушить и ломать! Почему ее реакция так задела меня? Я знаю, что урод, что беру баб вовсе не красотой. Но почему страх в глазах той, которую я должен ненавидеть и презирать, так обжигает?

Глава 6. Лицом к лицу

Каро

Я прогоняю в голове каждый день нашего знакомства. И мне противна каждая минута с ним наедине. Я ненавижу его за самоуверенное обещание, что буду ползать в ногах.

Никогда!

И не могу не признать, что уже таяла от его порочных прикосновений.

Сейчас я чувствую только омерзение и грязь на себе там, где он до меня дотрагивался. Я сижу не меньше часа, пока не понимаю, что он не вернется. Пока не чувствую запекшуюся сперму на бедрах.

Я срываю с себя все тряпки, бегу в душ и с остервенением тру себя мочалкой, сдирая кожу.

Ненавижу! Ненавижу! Как же я его ненавижу!

Я вою от боли, от ненависти и безысходности. А когда, покрасневшая и изодранная мочалкой, выхожу из ванной, вижу на постели две стопки белья: в одной – новое постельное, в другой – для меня.

Я двумя пальцами приподнимаю нежнейшую шелковую комбинацию цвета шампань. Мне противно брать у него вещи. Мне противно спать в его доме. Меня выворачивает от необходимости принимать от него хоть что-то!

Но очередной гадский выбор: ходить в полотенце, голой

или смириться и надеть на себя сорочку и трусы.

Я снимаю полотенце и натягиваю комбинацию. Почти исторически смеюсь, рассматривая красивые трусы. Тень издевается надо мной, наряжая в изысканное эротическое белье, о котором мечтала бы каждая женщина, чтобы надеть для своего мужчины.

Но он не мой мужчина! Я у него в плену. И я ненавижу белье, которое он мне дает.

Кидаюсь на постель, наплевав на новую простынь и одеяльник. И только тогда замечаю на комодке поднос с едой.

В животе протяжно урчит. Я не помню, когда ела в последний раз. И я очень голодная. Но в протест – есть не буду. Объявляю голодовку!

Меня хватило минут на пятнадцать. Потом я нехотя поднимаюсь. Гляну только, чем он меня собирается кормить, и снова лягу.

Но на подносе стоит тарелка горячего куриного бульона с зеленью, припущенная стручковая фасоль в пряном масле и умопомрачительный на вид и на запах кусочек филе индейки.

От аромата во рту набирается тягучая голодная слюна.

Я съем совсем чуть-чуть, чтобы не сразу умереть от голода. Ведь меня еще должен отыскать отец и порубить этих уродов на мелкие кусочки!

Пробую бульон – и растворяюсь в удовольствии.

Думаю, что папе нужно больше времени, чтобы найти и

отомстить за меня. Значит, силы мне понадобятся.

Голодовка отменяется.

И я с аппетитом разделяюсь со всем, что есть на подносе. Потом делаю себе одолжение, застилаю постель. Сытая и усталая, ложусь и тут же засыпаю.

Ночью просыпаюсь от собственного протяжного голодного стога. И снится мне не вкусное филе индейки.

Я бесстыже задираю зад, подставляя тело под смелые ласки Тени, сидящего на постели. Не сразу соображаю, что это уже не сон.

В темноте я не вижу его лица, только силуэт в капюшоне. Но знание, что это он – отрезвляет и бодрит похлеще ледяного душа.

Я отскакиваю от него и отползаю к изголовью кровати.

– Не смей меня трогать!

Он смеется, поднимает руку, которой гладил меня, и с наслаждением облизывает пальцы. А я понимаю, что сейчас монстр без маски.

В метре от меня...

– У каждого недостатка есть компенсирующее преимущество, – начинает говорить Тень своим хриплым голосом.

Мне он больше не кажется завораживающим. Я понимаю, что для меня его уродство ничего компенсировать не сможет. Ни красивые глаза, ни завораживающий голос.

Ни-че-го!

– Например, я все чаще прячусь в темноте. Поэтому у ме-

ня хорошее ночное зрение. Там, где другой будет ослеплен тьмой, я буду видеть.

Я чувствую, как он обхватывает мою лодыжку и тянет к себе за ногу. Хнычу и цепляюсь за спинку кровати.

– У меня почти нет обоняния, – продолжает шептать Тень, – зато очень чувствительные вкусовые рецепторы. Знаешь, какая ты на вкус, Карина?

Больше не хочу притворяться. Мне жутко, и я подвываю, отворачиваюсь от него, и безуспешно пытаюсь отползти.

Мне все равно, какая я на вкус. И я точно не хочу, чтобы он снова пробовал меня.

Но в это момент его язык облизывает мою стопу и ныряет между пальцами. Как мокрая скользкая устрица.

Я кричу от ужаса и отвращения, дергаю ногой, вырываюсь.

Тень отпускает. Я тут же забиваюсь в самый дальний угол кровати, подтягивая под себя ноги.

– А у красоты есть преимущество, принцесса? Подумай какое. Тебе сразу станет легче гостить в моем доме.

– Я не просилась в гости.

По движению силуэта я понимаю, что его веселит наш разговор. Только мне совсем не весело.

– Да-да, как я мог забыть! – усмехается он. – Тогда тебе будет легче переносить тяготы плена, принцесса. Если найдешь свое преимущество и сумеешь им воспользоваться.

Тень встает и бесшумно выходит из спальни. Даже воздух

не шелохнулся, хотя у него массивная фигура. Вот еще одно его преимущество.

Как же я его ненавижу!

Откидываюсь на подушки и не могу расслабиться и уснуть. Я все еще чувствую его язык между пальцами. Вскликаю и несусь в душ. Снова соскребаю с себя его прикосновения.

Но когда ложусь в постель, в голове пчелами жужжат мысли – что он имел в виду? Какое у меня преимущество? Зачем оно мне?!

Пояснение я получаю с утра.

Входит Тень, пробуждая меня после бессонной ночи. Две девушки в униформе вносят два подноса. На одном – тарелка с вонючими морскими водорослями. На другом – овсянка со свежими ягодами, сливки и чашка ароматнейшего кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.